

Портрет Рыбницкого ребе и способы коммуникации с ним

Мария М. Каспина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kaspina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются практики, связанные с почитанием портрета Рыбницкого ребе (Хаима Занвля Абрамовича, 1902–1995), распространенные в настоящее время среди выходцев из Рыбницы (сейчас – Приднестровье). В основе статьи лежат полевые исследования в г. Рыбнице в 2011–2019 гг., а также анализ агиографической литературы на идише и иврите, выпшедшей в США после смерти ребе. В контексте общих взглядов на портреты раввинов в хасидизме изучается амбивалентное отношение к изображению цадика. Во многих устных нарративах сохраняется мотив постоянного оправдания практики обращения к портрету Хаима Занвля. Изображение ребе, распечатанный на холсте портрет, есть практически в каждой семье, которая помнила Рыбницкого ребе. Его дарила выходцам из Рыбницы вдова ребе, которая в начале 2000-х гг. собирала материалы для написания агиографической книги о муже. Фотография для портрета была выдержана в классическом стиле раввинских портретов XIX–XX вв. Ребе изображен сидящим над священной книгой, в ритуальном облачении – в талесе и с тфилин на голове, взгляд его направлен прямо на зрителя. Несмотря на то что у евреев не принято иметь иконы, картинки и т. п., из интервью выясняется, что портрет цадика функционирует именно в этом качестве. С ним разговаривают, ему молятся, он висит в значимом месте дома или сопровождает последователей цадика в повседневной жизни в виде карточки в кошельке или картинки на брелоках, в автомобилях и на заставках телефонов. Кроме того, для выходцев из Рыбницы портрет Хаима Занвля становится иконой еврейской идентичности, оказывается способом социальной связи внутри общины и за ее пределами.

Ключевые слова: хасидизм, портрет, икона, цадик, религиозные практики иудаизма

Для цитирования: Каспина М.М. Портрет Рыбницкого ребе и способы коммуникации с ним // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2021. № 5. С. 54–68. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-5-54-68

Portrait of the Rybnitser Rebbe and ways of communication with him

Maria M. Kaspina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kaspina@mail.ru*

Abstract. The article examines the practices associated with the veneration of the portrait of the Rybnitser Rebbe (Chaim Zaslavsky, 1902–1995) that are currently common among natives of Rybnitsa (now Transnistria). The study is based on field research in Rybnitsa in 2011–2019, as well as on the analysis of hagiographic literature in Yiddish and Hebrew, published in the United States after the death of the rebbe. The ambivalent attitude towards the depiction of the tzaddik is studied in the context of general ideas concerning portraits of rabbis in Hasidism. In many oral narratives, the motive of the constant justification of the practice of referring to the portrait of Chaim Zaslavsky remains. The image of the rebbe, a portrait printed on canvas, is kept in almost every family that remember the Rybnitser rebbe. The portrait was given to the people of Rybnitsa by the rebbe's widow, who in the early 2000s collected materials for writing a hagiographic book about her husband. The photograph for the portrait was made in the classical style of rabbinical portraits of the 19th and 20th centuries. The Rebbe is depicted sitting over a holy book, in ritual dresses such as tallit with tefillin on his head, looking straight at the viewer. Despite the fact that it is not customary for Jews to have icons, pictures, etc., the interviews reveal the fact that the portrait of the tzaddik functions precisely like holy image. People talk to the portrait and pray to it; they hang it in a significant place at their homes; they keep it as a card in a wallet or as a small picture on key chains, in cars and on phone screensavers. In addition, for people from Rybnitsa the portrait of Chaim Zaslavsky becomes an icon of Jewish identity, a tool of social connection within the community and beyond.

Keywords: Hasidism, portrait, icon, tzaddik, religious practices of Judaism

For citation: Kaspina, M.M. (2021), "Portrait of the Rybnitser Rebbe and ways of communication with him", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 54–68, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-5-54-68

В иудаизме, как известно, не существует икон. Знаменитая вторая заповедь из декалога Торы гласит: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20:4; Втор. 5:8). На основании толкований этой заповеди многие авторитетные раввины были решительно против любого антропоморфного изображения.

Однако уже в Средние века среди ученых раввинов возникали и другие мнения.

Подробный анализ различных подходов к интерпретации второй заповеди в еврейском искусстве можно найти в книге Вивьен Манн «Еврейские тексты в визуальном искусстве» [Mann, Diamond 2000]. Портреты разрешались при условии, чтобы на них была изображена только половина тела и чтобы они не были скульптурными или рельефными. Эти рассуждения отразились в законодательном кодексе XIV в. «Шульхан Арух». В сокращенной версии из этого сборника постановлений, составленной в середине XIX в. раввином Шломо Ганцфирдом, о портретах сказано: «И также запрещено изображать человека. Даже просто рисовать портреты запрещено. И даже хранить портреты дома запрещено, пока рисунок не будет немного подпорчен. Речь идет именно про полный портрет, то есть изображение с двумя глазами и носом; если же человек изображен только с одной стороны, как делают некоторые портретисты, изображая человека в профиль, – это не запрещено»¹. Мы видим, что суровый запрет библейских времен постепенно трансформировался и допускал различные исключения. Кроме того, уже в Новое время в моду у европейских евреев вошел обычай вешать портрет известных, выдающихся раввинов дома и в общественных местах. Как отмечает Ричард Кoen, изучающий традицию раввинских портретов в Новое время, «феномен раввинского портрета является еще одной иллюстрацией постепенного спада напряженности в отношениях между иудаизмом и христианством. Если в XVII в., когда портреты считались формой идолопоклонства и подражанием христианской традиции, повсеместно царило отрицательное к ним отношение, то в последующие века отвращение стало ослабевать. Постепенно портрет стал нормой и у евреев, которые переняли этот жанр у христиан» [Cohen 1998, p. 134]. Ричард Кoen связывает эту тенденцию с развитием популярного жанра раввинской агиографии, которая привела к стремлению визуализировать образ почитаемого раввина и увековечить память о нем [Cohen 1998, p. 132].

Появление портретов раввинов можно связать с влиянием процессов модернизации в еврейской общине, когда образ жизни и мода окружающих народов становятся актуальными для просвещенной еврейской элиты. Но и в более традиционных кругах с XVIII в. вокруг известных раввинов возникает культ, порождающий идеализированный и возвышенный образ раввина, который обрастает популярными легендами. И, чтобы оправдать размещение портрета выдающегося учителя в доме или синагоге, раввины стали апелли-

¹ Кицур Шульхан Арух, 168-2.

ровать к цитате из библейской книги Исая: «И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде; и учителя твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих» (Ис. 30:20).

Как замечает Ричард Кoen, «репродуцирование превратило изображение раввинов в обыденное явление, в нечто вроде сувениров, которые приносили с собой средневековые паломники из святых мест как напоминание о пережитом ими опыте» [Cohen 1998, р. 144]. Паломнические практики связаны с размещением в доме портрета почитаемого раввина, и это приближает нас к изучению интересующего вопроса – об отношении к портрету раввина как к иконе. Так, одним из самых желанных приобретений для многих благочестивых евреев в конце XVIII в. был портрет ребе Йонатана Эйбешюца (1690–1764). При этом мы знаем из текстов самого раввина Эйбешюца, что он был категорически против портретных изображений: «Следует остерегаться лишний раз без необходимости смотреть в зеркало, а также иметь в доме образы из камня, дерева или даже нарисованные на стене, потому что нет портрета или подобия, которое не имеет злого духа, могущего навредить»².

Эйбешюц, которого обвиняли в еретических пристрастиях к саббатиянцам, апеллировал к каббалистическим текстам и предостережениям из книги Зохар. Тем не менее даже такой недвусмысленный запрет не помешал его последователям вешать портреты самого рабби Йонатана в своих домах. Известно около двадцати разновидностей изображений этого раввина, созданных в разных техниках при его жизни и особенно после его смерти. Иногда мы видим его на фоне шкафов, уставленных книгами, иногда в талесе, иногда с амулетом в руках, но при этом изображение лица варьируется лишь незначительно. Сравнивая эти портреты, можно говорить о целом иконографическом каноне, который потом воспроизводится на изображениях других раввинов. Фиксируемое во многих источниках стремление почитателей Эйбешюца обязательно приобрести изображение своего учителя убеждает, что портрет воспринимался как посредник между ними и духом раввина.

С распространением хасидизма, религиозного движения, возникшего в Восточной Европе в середине XVIII в., портреты хасидских лидеров стали необычайно популярны среди последователей цадиков. С начала XX в. рисованные портреты соседствуют с фотографиями, которые в народном сознании также наделены символическими функциями и духовной силой – хотя зачастую к ним сохранялось амбивалентное отношение. На некоторых снимках

² *Эйбешюц Й. Ярот дващ («Медовые соты»)*. Люблин: тип. Шнайдер-мессера и Гершенгорна, 1897. Ч. 1:19. С. 37 (*иврит*).

фотографы даже успели запечатлеть удивленное и испуганное выражение застигнутых врасплох цади́ков, возражавших против того, чтобы их снимали на камеру [Biale, Assaf 2017, p. 789]. Заметим, что восприятие репродукции портрета или фотографии святого человека как иконы характерно не только для иудаизма, но и для других религий [Stahl 2019].

В хасидизме фигура цади́ка, духовного лидера общины, стала играть особую роль. Последователи цади́ка считают, что он обладает уникальными мистическими способностями, может выступать посредником между простым евреем и Всевышним. Цади́к своими молитвами, благочестием и добрыми делами приобретает заслуги, которые позволяют ему благословлять простых хасидов, помогать им в том, чтобы донести до Бога их просьбы. Эти заслуги также дают праведнику возможность творить чудеса. Все, до чего дотрагивается цади́к, несет в себе частичку его святости. Если он дарит своим последователям кусочки еды со своего стола («шираим»), то они могут исцелить больного или помочь добиться удачи в делах. Если цади́к благословляет монету, то она становится для хаси́да важным талисманом («шмира») [Каспина 2019]. Те же качества иногда переносятся на портрет цади́ка [Leon 2013]. Так, например, в агиографическом сборнике рассказов о чудесах рабби Аврома – Матта́тьяху Фри́дмана из Ште́фанешт (1848–1933) – содержится история о том, как портрет ребе уже после смерти самого цади́ка спас еврейскую семью из Ште́фанешт в годы Второй мировой войны. Один румынский священник, обидевшись на проказы еврейского ребенка, ворвался в дом, но, увидев портрет Ште́фанештского ребе, немедленно перестал угрожать сдать семью нацистам и ушел. Наутро он вернулся и начал расспрашивать мать ребенка, что это за портрет и кто на нем изображен. Оказалось, что Ште́фанештский ребе приснился священнику во сне и строго велел не причинять вреда этой еврейской семье. Семья была спасена³. Со временем в ультраортодоксальных кругах портреты раввинов оказались настолько востребованными, что появилась целая индустрия по изготовлению портретов и фотографий великих цади́ков. Как пишет израильский исследователь Леон Ниссим, портрет ребе в ультра-ортодоксальных сообществах – это не просто картинка, это «икона» идентичности, паспортная фотография коллектива. Изображения раввинов выполняют функцию маркеров социальной принадлежности и маркеров границ в обществе, которое довольно замкнуто изнутри и снаружи [Leon 2013, p. 88].

³ Solomon A. Ha-tzaddik mi-shtefanesht [«Цади́к из Ште́фанешт»]. Bnei Brak. T. 1. P. 229–232 (*уе́рум*).

Рис. 1. Стена в доме Леонида Т., г. Рыбница.
Фото 2017 г.

В этой работе мы сосредоточимся на отношении последователей и почитателей хасидского лидера Хаима Занвля Абрамовича (1902–1995), ученика Штефанештского ребе, к его портретам и другим изображениям. Кроме того, особое внимание будет уделено нарративам о различных практиках, связанных с использованием портрета ребе в повседневной жизни у советских евреев, которые знали ребе по тем годам, которые он провел рядом с ними в городе Рыбница (сейчас – Приднестровье).

Рыбницкий ребе Хаим Занвл Абрамович стал уникальным представителем хасидизма в XX в. Он родился в Румынии, учился в Штефанештах и Кишиневе, женился на дочери религиозного судьи в городе Резина (сейчас – Молдавия). Ребе оказался в Советском Союзе в годы войны, попав в 1941 г., как и многие другие евреи Бессарабии, в гетто в Рыбнице. После окончания войны он остался в городе и продолжил выполнять функции хасидского цадика. К нему обращались люди, просили о помощи, он молился за них, давал благословенные монеты, был шойхетом, выполняя ритуальный забой скота и птицы, а также совершал обряд обрезания. Хаим Занвл прожил долгую жизнь, но портреты его стали распространяться только после его отъезда из СССР в 1973 г. Мы наблюдали в Рыбнице, городе, где он провел больше тридцати лет, что его портрет висит у тех евреев, которые знали его детьми. Обычно портрет ребе соседствует с фотографиями родителей, детей и других родственников.

Также портрет Хаима Занвля висит в домах у всех выходцев из Рыбницы в Израиле и США. Его носят в кошельке, украшают им брелок или возят его в машине. К портрету обращаются, когда

*Рис. 2. Портрет Рыбницкого ребё в виде карточки в кошельке.
Израиль, Хайфа. Белла Л., 1947 г. р. Фото 2020 г.*

встают на молитву, с ним приходят в разные государственные учреждения, чтобы быстрее решить бюрократические процедуры.

Надо сказать, что у повсеместного появления портрета в семьях евреев, знавших ребё в Рыбнице, есть своя причина. Уехав из России в Израиль, а затем в США, ребё, овдовев, женился в 1980 г. на Фейге-Малке Нейман (1947–2015). Она была значительно моложе ребё, пережила его на двадцать лет и после его смерти стала собирать материалы о нем, чтобы издать книгу. Она поехала в Израиль и встретила там с выходцами из Рыбницы. Каждой семье, которая помнила Хаима Занвля, ребёцен Фейга дарила распечатанный на холсте портрет. Впоследствии именно это изображение и было растиражировано среди всех рыбничан. Важно, что фотография для портрета была выдержана в классическом стиле раввинских портретов XIX–XX вв. Ребё изображен сидящим над священной книгой, в ритуальном облачении – в талесе и с тфилин на голове, взгляд его направлен на зрителя.

В семьях, где знали самого ребё, его портрет был очень важен. Его ставили на видное место, вешали над кроватью и очень ценили: «Вот эта фотография, она появилась у нас тоже, много лет она у нас, еще в Рыбнице была вот у меня на книжной полке в моей спальне его фотография. Когда мне ее прислали, я была очень рада, что вот эта фотография»⁴.

⁴ Архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Зап. Израиль, 2019. Инф.: Елизавета Ф., 1947 г. р. Соб.: М. Каспина, С. Амосова (Isr_19_01_Freydkiny, инф. 1).

Как рассказал нам один из информантов в Рыбнице, показывая портрет ребе: «Это я был в Израиле, и там сделали, прислали. Брат мне сделал копию, рамочку я уже здесь купил и держу над кроватью. Так как мы иудеи, у меня нет икон христианских. Я живу в родительском доме. Здесь жили мои родители»⁵. Через два года он снова рассказал про портрет: «Тут почти у всех рыбницких, и которые живут в Америке, в Израиле, у них у всех есть эти портреты за исключением молодежи. Приезжали ко мне племянники: “Смотри, точно такой портрет есть у нас и бабушки, и у Лени есть”. Все рыбницкие, в основном, чтят его, и у каждого есть портрет. Ребецен сама лично дарила, когда собирались рыбничане, жена Хаим Занвля она дарила каждому цветную фотографию»⁶.

Интересно, что информант сам сравнивает портрет с иконой и как бы оправдывается: у нас нет икон, но есть портрет. В доме информанта хранится еще один предмет, связанный с ребе, – его шапка, которую тот оставил бабушке информанта. Рассказывая о ней, наш собеседник называет ее еще одним словом из христианской терминологии, которое используется по отношению к сакральному предмету: «Пусть у меня будет частичка его в доме, то, что портрет в доме есть, это одно, и это пусть еще [шапка], как реликвия, как частица воспоминаний о ребе»⁷.

Изучая нарративы о рыбницком ребе, мы часто фиксировали рассказы, в которых взаимоотношения рассказчиков с портретом ребе были окружены ореолом общения со святым человеком, а обозначения этих предметов соответствовали христианским терминам: икона, реликвия, лик святого и т. п.

В еврейской благотворительной организации в Рыбнице тоже висит портрет Хаима Занвля. Рыбницкий ребе, с одной стороны, возглавляет список известных жителей города, с другой стороны, он олицетворяет собой еврейскую религиозную традицию. Его портрет стоит среди книг рядом с изображением десяти заповедей – импровизированным гербом общины Рыбницы.

⁵ Полевой архив Центра Сэфер. Записано в г. Рыбница, 2017 г. Инф.: Леонид Т., 1952 г. р. Соб.: М. Каспина (Ryb_17_01_Tulchinskiy).

⁶ Полевой архив Центра Сэфер и архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Записано в г. Рыбница, 2019 г. Инф.: Леонид Т., 1952 г. р. Соб.: М. Каспина, С. Амосова (Ryb_19_18_Tulchinskiy).

⁷ Там же.

Рис. 3. Портрет Рыбницкого ребе в Хеседе г. Рыбница.
Фото 2017 г.

Бывший председатель еврейской общины Семен Сигал так рассказывал об этом портрете: «*Инф.*: У нас вот висит, вы видели, там есть портрет его. Вы видели портрет нашего ребе? *Соб.*: Да. *Инф.*: И есть история его. И каждый, кто сейчас приходит, он прикасается к этому портрету как к святой реликвии. Хотя мы сами этот портрет... нам прислали его, мы писали о нем, но память о нем, она священна, священна»⁸.

По устоявшейся традиции религиозные евреи прикасаются к мезузе – прикрепляемому к дверному косяку жилого помещения фрагменту пергамента, который содержит главную молитву «Слушай, Израиль». Такой практики по отношению к портретам раввинов в иудаизме не зафиксировано. Тем не менее портрет в еврейском общественном центре воспринимается однозначно как знак сакрализации ребе: «А потом в еврейском обществе была его фотография и его зачислили в число святых»⁹.

По функциям, которые портрет Хаима Занвля выполняет во многих еврейских домах, его тоже можно сравнить с иконой, что часто и звучит в рассказах самих информантов. Они точно знают и постоянно подчеркивают амбивалентный статус портрета раввина в еврейском доме, но при этом все равно относятся к нему как к сакральному объекту, обращаются к нему, общаются с ним: «У меня

⁸ Архив АНЕУМ, *Инф.*: Семен С., 1930 г. р. Зап. в г. Рыбница в 2011 г. *Соб.*: С. Шульман (SigalSimen_0811).

⁹ Полевой архив центра Сэфер. *Инф.*: Галина Г., 1940 г. р. Зап. в г. Рыбница в 2018 г. *Соб.*: А. Кушкова, Ю. Ковришина (Ryb_018_05_Goncharuk).

его портрет висит дома. Хотя это не положено. “Не сотвори себе кумира”. Но висит. Пусть смотрит, как я себя веду»¹⁰; «У русских молятся на иконы, а я с ним разговариваю (показывает портрет)»¹¹; «А у моей мамы висел портрет Хайм Залмана в Израиле. И она каждое утро вставала и молилась. И я когда приехала в Израиль, я спрашиваю у своей сестры: “Кто это?” Она: “Как, ты не узнаешь? Это же Хайм Залман. Мама каждое утро молится, в общем, ему”. Очень святой был человек»¹²; «Если мне очень нужно, я помню вот это, я понимаю, что мы к картинкам не обращаемся [показывает портрет Хаим Занвлу], я зажигаю свечу, я зажигаю свечу не перед портретом естественно, а просто, если мы читаем из Торы, я зажигаю свечу и говорю Хаим Занвлу, это не следственно, я молюсь за всех, за соседей, за которых некому молится, какие-то люди, русские родственники. Это не на том уровне, знаете, портрет где-то там висит, это как член семьи, как человек, который близко к нам каким-то образом»¹³.

Во всех приведенных нарративах к портрету ребе обращаются как к самому Хаиму Занвлу, разговаривают с ним, молятся ему. Такая синонимия между святым персонажем и сакральным объектом характерна и для народного православия и других религиозных традиций [Мороз 2017, с. 114, Лурье 2009, с. 111]. Иногда даже подчеркивается постоянное присутствие ребе в доме, которое проявляется через его портрет: «пусть смотрит, как я себя веду». За этим скрывается негласное предположение, что изображенный персонаж постоянно следит за тем, что происходит в доме. Иногда советским евреям оказывается трудно осознать религиозный характер собственного отношения к портрету – вместо слова «молитва» они используют обычное «я с ним разговариваю». Здесь можно усмотреть параллель (возможно, случайную) со знаменитым

¹⁰ Полевой архив Центра Сэфер и архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Записано в г. Кишинев, 2019 г. Инф.: Ушер Р., 1947 г. р. Соб.: М. Каспина, Д-Б. Керлер (Kish_019_08_Rashkovan).

¹¹ Полевой архив Центра Сэфер и архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Записано в г. Рыбница, 2019 г. Инф.: Бетя С., 1951 г. р. Соб.: С. Амосова, И. Душакова (Ryb_019_01_Solomonova).

¹² Полевой архив Центра Сэфер. Зап. в г. Рыбница, 2018 г. Инф.: Тама-ра Ш., 1934 г. р., Соб.: М. Каспина (Rezina_018_01_Shafir).

¹³ Архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Зап. онлайн, 2020 г. Инф.: Бронислава К., 1965 г. р. Соб.: М. Каспина (Zoom_2020_Kreph_1).

стихотворением Маяковского «Разговор с товарищем Лениным», где лирический герой обращается к фотографии умершего вождя¹⁴.

Еще одна важнейшая функция, которую приобрел портрет рыбницкого ребе, связана с еврейской идентичностью. Русским евреям из Рыбницы, которые уехали в Израиль и Америку, знакомство с Хаимом Занвлом дало уникальную возможность повысить свой статус внутри ультрарелигиозного сообщества. Как показали исследования мигрантов, повышенная приверженность к использованию иконографических образов характерна для сообществ, чья идентичность неопределенна или подвергается сомнению в принимающей культуре [Owusu 1999; Ehrkamp 2005].

Среди выходцев из Советского Союза жители Рыбницы действительно оказались в привилегированном – для религиозных общин Америки и Израиля – положении благодаря ходатайству за них Рыбницкого ребе. Обычно еврейство советских граждан подвергалось в ортодоксальных кругах большому сомнению, и, например, вступить в брак потомку советских евреев с соблюдающим иудаизм партнером было очень трудно. Но свидетельство Хаима Занвла о том, что он знал эту семью еще в России, помогало преодолеть подобные препятствия. Так же решались различные проблемы, связанные с признанием статуса еврея в главном раввинате Израиля, с разрешением на брак и т. п. После смерти Хаима Занвла его портрет во многом взял на себя функции такого маркера, снимающего сомнения в идентичности: «В рабануте, если идут, и ты хочешь подвинуть быстрее это [признание статуса еврея], то ты идешь и говоришь, я из Рыбницы, я хорошо знал Хаим Занвла, его портрет вперед и все. – Ты знал Хаим Занвла, да, у-у-у, все. Да-да»¹⁵.

В современном Израиле портреты раввинов стали не только постоянным украшением еврейского дома и общественных мест. Часто они показывают локальную идентичность, принадлежность к той или иной общине в зависимости от выбора персонажей на портретах [Leon 2013]. Так, последователи хасидизма Хабада вешают портрет Менахема Менделя Шнеерсона, последнего любавичского ребе. Ашкеназские литовские общины предпочитают портреты рава Кука, евреи из восточных общин эклектично собирают портреты раввинов различных эпох и династий. Рыбницкий ребе пользуется большой популярностью в общинах выходцев из Закарпатья, которые еще в Советском Союзе помогали ребе соблюдать

¹⁴ Благодарю за это замечание коллегу В.А. Дымшица.

¹⁵ Архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Зап. Израиль, 2019. Инф.: Галина Ф., 1980 г. р. Соб.: М.М. Каспина, С.Н. Амосова (Isr_19_01_Freydkiny, инф. 3).

традиционный иудаизм, возили ему кошерную еду и помогли ему с выездом из страны. Закарпатские евреи были гораздо религиознее, поскольку жили на территории, которая стала советской только во время Второй мировой войны. Уехав в Израиль и Америку, эта община легко интегрировалась в ортодоксальную еврейскую среду, чего нельзя сказать о рыбницких советских эмигрантах. Поэтому иногда одним из важных факторов признания в человеке «своего» была именно связь рыбницких и закарпатских евреев с Хаимом Замвлом. Описывая, как одна из знакомых советских евреек искала работу по специальности в Израиле, информантка рассказала:

В их доме такое было почитание, и это тоже всегда был его портрет Хаим Замвля, и она его очень хорошо с детства знает. И вот какая произошла интересная история, говорит, когда я приехала сюда в Израиль, это было, наверное, в 1991–1992 гг. Она приехала сюда, она медработник. Она прошла какую-то тут учебу, все, и конечно, по каким-то связям и ее обещали устроить, есть такая клиника Бейлинсон, находится Петах-Тикве. Ее обещали устроить на работу. Она лаборант, наверное, по забору крови, вот что-то такое. Там ей обещали сделать протекцию женщине, которая заведовала этой лабораторией. Вот она говорит, я прихожу к этой женщине, захожу к ней, и я вижу, у нее висит портрет Хаим Замвля. Она говорит, я подумала, что такого не может быть совпадения. Это откуда здесь и это самое все. Она говорит, что я вижу, что это Хаим Замвл. Говорит, я набралась смелости и спросила ее, говорит, откуда Вы знаете этого человека? И она рассказала вот такую историю. Она верующая из очень-очень верующей семьи выходцев из Венгрии. То ли во время войны, то ли до войны еще они оказались где-то в украинских этих местах недалеко от Рыбницы. И она о нем слышала, эта женщина, она о нем слышала, и она хотела с ним познакомиться, она хотела его, в общем, узнать. Таким образом, она все-таки побывала в Рыбнице. В Рыбнице она встретила своего мужа, который не был верующим, потом он стал верующим. Они поженились, и хупу им проводил Хаим Замвл¹⁶.

Таким образом, портрет рыбницкого ребе поспособствовал устройству на работу и позволил героине рассказа почувствовать себя своей в новой социальной и культурной среде.

В агиографической литературе о рыбницком ребе, которая составлена ультраортодоксальными евреями Америки в последние де-

¹⁶ Архив Исследовательского центра Еврейского музея и центра толерантности. Зап. Израиль, 2019. Инф.: Елизавета Ф., 1947 г. р. Собр.: М.М. Каспина, С.Н. Амосова (Isr_19_04_Freydkina).

сятилетия, рассказы о портретах, фотографиях и изображениях ребе занимает гораздо меньше места, чем в устных нарративах бывших советских евреев. При этом сами книги обычно богато иллюстрированы портретами и фотографиями ребе. Тем не менее в этих сборниках тоже отражено амбивалентное отношение к изображениям цадика. В основном в центре повествования находится позиция самого ребе по отношению к тому, что его пытаются сфотографировать: «На одну свадьбу в Бней-Браке привели фотографа, и он многократно сфотографировал ребе. Каждый раз при вспышке ребе улыбался. Никто не понимал, почему, а потом оказалось, но на фотографиях вместо ребе запечатлелось только пустое место»¹⁷. Другая история отражает более сложное отношение ребе к его изображению: «Один юноша однажды пытался сфотографировать ребе, но у него не получилось ни одной фотографии. Камера не работала как надо. Тогда ребе сказал: “У нас в Штефанештах мы были очень против фотографий”. Но юноша упрямился и продолжал попытки. Тогда ребе сказал ему прочитать главу из Псалмов. Он прочитал – и вдруг камера заработала. Он сделал много снимков, а ребе ничего не сказал»¹⁸.

Из этого рассказа следует, что для получения фотографии ребе, которая, возможно, будет, как и любой относящийся к нему предмет, иметь дополнительное сакральное значение, нужно особое благословение цадика. Для этого необходимо обрести некую заслугу, прочитать псалмы, удостоиться чуда. Просто так фотография не получится, и далеко не каждому удастся ее приобрести. Таков стандартный традиционный механизм получения чуда в хасидизме, и ребе, несмотря на сохранившееся неприятие изображений, позволяет настойчивому юноше получить фотографии, выполнив доброе дело – прочитав Псалмы.

Подводя итоги, стоит отметить, что амбивалентное отношение самих раввинов и их последователей к изображению цадика сохраняется не только в традиционной ортодоксальной среде, но и у советских евреев, которые постоянно оправдываются, рассказывая о портрете Хаима Занвля. Несмотря на то что у евреев не принято иметь иконы, картинки и т. п., портрет цадика функционирует именно в этом качестве. Кроме того, для выходцев из Рыбницы портрет Хаима Занвля становится иконой идентичности, оказывается способом социальной связи внутри общины и за ее пределами.

¹⁷ *Ратнер Я.Х.* История моей жизни: Воспоминания и чудеса. За железным занавесом русского коммунистического режима. Нью-Йорк, 2014. С. 350 (*идиш*).

¹⁸ *Каан И.М.* История и служение рабби из Рыбницы. Нью-Йорк, 2016. Ч. 1. С. 239 (*идиш*).

Благодарности

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the grant program of the Research Center “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow) with financial support from A.I. Klyachin.

Литература

- Каспина 2019 – *Каспина М.М.* Монета ребе: история и бытование хасидского обычая // Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции / Под ред. О.В. Беловой. М.: Сэфер, 2019. С. 188–216.
- Лурье 2009 – *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxiōma, 2009. 238 с.
- Мороз 2017 – *Мороз А.Б.* Народная агиография: Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Форум: Неолит, 2017. 443 с.
- Biale, Assaf 2017 – *Biale D., Assaf D., Brown B., Gellman U., Heilman S., Rosman M., Sagiv G., Wodziński M.* Hasidism. A new history. Princeton: Princeton Univ. Press, 2017. 896 p.
- Cohen 1998 – *Cohen R.* The rabbi as icon // Jewish icons. Art and society in modern Europe. Berkeley: Univ. of California Press, 1998. P. 112–152.
- Ehrkamp 2005 – *Ehrkamp P.* Placing identities. Transnational practices and local attachments of Turkish immigrants in Germany // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 345–64.
- Leon 2013 – *Leon N.* Visions of identity. Pictures of rabbis in Haredi (ultra-Orthodox) private homes in Israel // Journal of Israeli History. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 87–108.
- Mann, Diamond 2000 – *Mann V., Diamond E.* Jewish texts on the visual arts, Cambridge, U.K: Cambridge Univ. Press, 2000. 236 p.
- Owusu 1999 – *Owusu T.* Residential patterns and housing choices of Ghanaian immigrants in Toronto, Canada // Housing Studies. 1999. Vol. 14. Issue 1. P. 77–97.
- Stahl 2019 – *Stahl I.* Paper icons and photographs of Saints. A question of prayer in Orthodoxy // Expressions of religion. Ethnology, performance and the senses / Ed. by E. Roussou, C. Saraiva, I. Povedák. Wien: Lit Verlag, 2019. P. 155–180.

References

- Biale, D., Assaf, D., Brown, B., Gellman, U., Heilman, S., Rosman, M., Sagiv, G. and Wodziński, M. (2017), in *Hasidism. A new history*. Princeton University Press, Princeton, USA.
- Cohen, R.I. (1998), "The rabbi as icon", in *Jewish icons. Art and society in modern Europe*, University of California Press, Berkeley, USA, pp. 112–152.
- Ehrkamp, P. (2005), "Placing identities. Transnational practices and local attachments of Turkish immigrants in Germany", *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 31, no. 2, pp. 345–64.
- Kaspina, M.M. (2019), "Coin of the Rebbe: the History and Existence of the Hasidic Custom", in *Veshch' – simvol – znak v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj traditsii* [Object – symbol – a sign in Slavic and Jewish cultural traditions], Sefer, Moscow, Russia, pp. 188–216.
- Leon, N. (2013), "Visions of identity: Pictures of rabbis in Haredi (ultra-Orthodox) private homes in Israel", *Journal of Israeli History*, vol. 32, issue 1, pp. 87–108.
- Lourie, V.M. (2009), *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu* [Introduction to critical hagiography], Axiōma, Saint Petersburg, Russia.
- Mann, V. and Diamond, E. (2000), *Jewish texts on the visual arts*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Moroz, A.B. (2017), *Narodnaya agiografiya. Ustnye i knizhnye osnovy fol'klornogo kul'ta svyatykh* [Folk hagiography. Oral and book basics for the folk cult of the saints], Forum, Neolit, Moscow, Russia.
- Owusu, T.Y. (1999), "Residential Patterns and Housing Choices of Ghanaian Immigrants in Toronto, Canada", *Housing Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 77–97.
- Stahl, I. (2019), "Paper icons and photographs of Saints. A question of prayer in Orthodoxy", in Roussou, E.; Saraiva, C. and Povedák, I. (eds.), "Expressions of religion. Ethnology, performance and the senses", Lit Verlag, Wien, Austria, pp. 155–180.

Информация об авторе

Мария М. Каспина, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kaspina@mail.ru

Information about the author

Maria M. Kaspina, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; kaspina@mail.ru